МАТИЛЬДА АВАЛАНЖ

МАНДАРИНОВЫЙ КОТ

Замурчательный новый кот

Матильда Аваланж

Мандариновый код(т)

«Автор»
2026

Аваланж М.

Мандариновый код(т) / М. Аваланж — «Автор»,
2026 — (Замурчательный новый кот)

Когда-то у меня было все: любящий отец, учеба в престижной академии королевства, верные друзья...Сейчас я - хозяйка лавки ёлочных игрушек, которые никто не покупает, и которую мне даже нечем обогреть.Неожиданная встреча в самый канун Нового года с пушистым духом обещает решить все мои проблемы.Поможет ли мне озорной помощник, или, наоборот, навредит?

© Аваланж М., 2026
© Автор, 2026

Мандариновый код(т)

– Ой-ой-ой, Инька, ну и холодрыга у тебя!

Мейв Хаген – румяная, раскрасневшаяся с мороза, в ярко-красном капоре и заячьей шубке – заскочила в мою избушку, принеся с собой запах декабрьской стужи.

Обоняние у меня чуткое, поэтому я сразу уловила и нотки яблочного глинтвейна, исходившие от моей лучшей подружки.

Год, как меня исключили из Королевской академии Севердии, а мы с Мейв до сих пор общаемся.

Чудо какое-то! Учитывая, что я ушла, а Мейв продолжила обучение в КорАКСе. Парочка наша была, конечно, сногсшибательная: огненный ураган по имени Мейв с торчащими в разные стороны рыжими вихрами, и я – белокожая, флегматичная, с прямыми волосами цвета Нордового моря, «заторможенная»…

Или «замороженная», как называли меня некоторые в академии. К их радости, терпеть «тормознутую» пришлось недолго – меньше года успела там проучиться, прежде чем…

– Инид, по-моему, ты в своей пещерке уж в Ледяную барышню превратилась, не к ночи помянута будет! – воскликнула подруга. – Сидишь тут в темноте полной в этом леднике и света белого не видишь. Между прочим, я принесла теплохлопушку и горячие улитки с корицей!

– Мейв, я же тебе сто раз рассказывала – в полутьме лучше видно огонь и изделие. А насчет ледника ты зря, у меня не холодно – просто ты перемёрзла на морозе и никак не можешь согреться… Небось с Ачилем своим с самого утра гуляла?

– Ну гуляла, и что с того? – Подружка, раскрасневшись, бросила пушистую муфточку на деревянный стол в углу. – На Белогодней ярмарке были, он мне, между прочим, мандариновое бинсу купил! С ледяной стружкой! Вкуснющее, ты такого в жизни не пробовала! Мандарины на Белогодье у нас же только толстосумы едят, а Ачиль из небедной семьи, так что я, как за него замуж выйду, частенько буду их кушать! Ой, Инька…

Рука моя с зажатой в пальцах кисточкой дрогнула, и вместо пятнышка на грудке снегиря на шарике появилась некрасивая жирная красная клякса. Я ахнула и принялась затирать её магией – благо приём затирки знала хорошо.

Роспись новогодней игрушки – дело тонкое, учил меня папа. Оно-то по хрупкому шарику тонкой-претонкой кисточкой писать сложно! Мельчайшие детали должны быть отрисованы в осях, не «плыть» по шару. Тут ой какой глазомер нужен!

Как у папы, лучшего мастера ёлочных игрушек во всей Севердии.

И лучшего папы, каким он был…

Как же я гордилась своим талантливым отцом! Ещё год назад у него был моднейший бутик игрушек, которые он делал для ёлок в особняках именитых особ нашего города. А я, дочка того самого знаменитого Нильсона Вейли, училась магической художественной росписи в Королевской академии Севердии.

У меня была лучшая подружка Мейв и перспективы, от которых захватывало дух: открыть свою фабрику ёлочных игрушек, чтобы они продавались не только в столице, но и по всему королевству! Принести Белогодье в каждый дом!

А сейчас я сижу в полутёмной, плохо отапливаемой деревянной избушке на задворках столицы и уже почти не верю в нашу с папой мечту…

Эта жалкая деревянная лавчонка – все, что осталось от модного салона на центральном проспекте города.

Ровно год назад папу нашли мертвым в этом самом салоне…

И обнаружилось, что он играл и нажил огромные долги.

Что говорить об оплате моего обучения в Королевской академии – об этом и речи быть не могло. Чтоб расплатиться с гигантскими долгами отца, я продала и наш дом, и салон, и большую часть созданных им игрушек, включая потрясающие коллекционные наборы, над которыми он трудился не один месяц. Их пришлось отдать за бесценок, потому что времени на продажу таких необычных сезонных предметов требовалось немало, а деньги мне нужды были прямо сейчас.

Папины друзья советовали распродать и запас красок, и оборудование. Всё равно теперь торговать не смогу, предрекали они, я не такой мастер, каким был мой отец.

Но я не могла отказаться от дела всей жизни моей семьи. Ведь не только папа изготавливал ёлочные игрушки – этим занимался и мой дед, и мой прадед.

Последний был путешественником и много скитался по миру, чтобы постичь технологии дутья и росписи по стеклу.

Древний обычай под Белогодье, когда идёт снег, украшать зелёное дерево в том или ином виде существовал во всех уголках нашего королевства. Прадед привозил из своих странствий разные игрушки – деревянные яблоки, перевязанные ленточками, орешки на золотистых ниточках, с дробным стуком ударяющиеся друг о друга глянцевые леденцы на верёвочке. Несуразные, странные, нелепые, но такие белогодние – скрученные из ваты зайчики, покрытые клейстером, плоские двусторонние снегири, облепленные цветной фольгой, грибочки и шишки из стекляруса, звёзды и снежинки, колокольчики и сосульки… И все они бережно хранились в специальном шкафчике, который папа таинственно называл «Первым в королевстве музеем ёлочных украшений».

Но больше всех из этого старинного облезлого дубового шкафа с тяжёлыми створками из прозрачного стекла мне полюбилась облезлая игрушка – шарик в виде мандарина.

Мандарины были редким в наших широтах цитрусом, и простые жители Севердии не могли позволить их себе даже под Белогодье, когда яркие оранжевые мячики поспевали в южных регионах нашего королевства. И ёлочная игрушка в виде мандарина была для меня самой необычной в коллекции прадеда.

Её некогда ярко-оранжевая поверхность выцвела до бледного, слабо-персикового цвета, были хорошо заметны мелкие трещинки и сколы, изумрудно-зелёный листик на верхушке потерял свою насыщенность… И все-таки этим шариком очень дорожили мой прадед и дед. И папа тоже.

И даже когда он умер, а мне пришлось бросить академию и расплачиваться с его долгами, я не распродала «Первый в королевстве музей ёлочных украшений», бережно перетащила шкаф со всем его содержимым в новую лавку.

Увы, помещение удалось снять лишь на окраине города, в бедном и неблагополучном районе, что совсем не способствовало продаже праздничных товаров.

Кое-как продержалась год, а когда наступил предбелогодний сезон, так надеялась получить патент, чтобы разместить палатку на Белогодней ярмарке! Подала все документы, с нетерпением ожидала решения столичного муниципалитета, но… По неведомой причине мне отказали.

Вот поэтому я и сидела сейчас в холодной деревянной избушке, заполненной великолепными изделиями – мастерски расписанными ёлочными игрушками. Но продать их не могла.

За всю неделю ко мне наведались всего два покупателя – и я была очень благодарна, но то жалкие крохи… Вчера, сведя расчеты, проанализировав бухгалтерские книги, поняла, что после этой Белогодней ночи мне придется закрыть лавку, как ни мечтала я продолжить дело своего обожаемого папы…

– Ох, какая же красота, Инид, ну до чего же ты талантливая! Эти снегири на поверхности как будто сейчас взлетят. – Мейв присела напротив меня за деревянный стол, любуясь, как я мелкими штришками тонкой кистью расписываю стекло, вертя шар в ладонях. – Тебе нужно

показать это принцу Вальгарду! Ты же знаешь – он меценат и покровительствует истинным талантам!

Услышав такое предложение, я даже шар в сторону отложила, и замахала руками.

– Какой принц, Мейв? В моём теперешнем положении о аудиенции можно только мечтать!

Подруга, которая прекрасно знала, что и как обустроено у меня в лавке, вскипятила на маленькой плитке чайник и заварила нам обеим ароматный напиток с остатками корицы, гвоздики и бадьяна.

Как же я любила эти красные в крупный белый горошек чашки – тоже одно из произведений моего папы. У меня их хотели купить, а я не продала. Мы с папой всегда пили из них чай на Белогодье, закусывая глазированными пряниками в форме забавных снеговичков, которые сами же и пекли.

– Между прочим, принц Вальгард как почётный гость приглашён сегодня в академию на празднование Белогодней ночи! – заметила Мейв, добавив: – Если бы ты только смогла прийти на бал и показать ему хотя бы одну свою игрушку, Инид! Он увидел бы, какая ты талантливая! Он был бы в восторге!

– А ты же, наверное, приглашена, Мейви? – робко поинтересовалась, сжимая в руках красную чашку с согревающим напитком. – Может быть, ты покажешь ему мою игрушку?

– Увы, но нет, Инид, ты должна представить её сама, иначе Вальгард не отнесётся к этому серьёзно, – вздохнула подруга. – Я с радостью могла бы отдать тебе своё приглашение, но они именные, и стражи просто-напросто не пропустят тебя в торжественный зал. А подделать именное приглашение – не просто трюк, а настоящее волшебство.

– Ничего, я и так как-нибудь… – Задрала подбородок, кутаясь в стёганый папин жилет, в котором он всегда занимался работой.

– Ох, Инид…

Вздохнув, Мейв погладила меня по руке, и тут же перевела тему, и мы ещё немного поболтали.

Улитки с корицей, принесённые Мейв, просто таяли во рту! Сейчас-то я уж точно не могла позволить себе ничего вкусненького к Белогодью, поэтому ела с превеликим наслаждением.

Подружка вскоре умчалась, ведь ей необходимо было готовиться – к Белогоднему балу, который должен был начаться, когда совсем стемнеет, к снежной ночи тысячи салютов, серебряных свечей, охапок серпантина и боя хронометра на главной башне королевского дворца.

А я осталась в своей полутёмной лавке.

Теплохлопушка, которую принесла Мейв, давно догорела, и в избу понемногу начал заплывать холод. Поёжившись, я плотнее закуталась в папин жилет и принялась расписывать очередную фигурку, на этот раз совершенно необыкновенную.

Должна была получиться Ледяная барышня – волшебница зимы. Она может быть и милостивой, и капризной: засыпать город пушистым белым снежком, под которым так здорово гулять влюблённым парам, на следующий день устроить оттепель, а когда улицы столицы превратятся в реки, наслать мороз и, хихикая, наблюдать, как по облитым льдом дорожкам скользят и падают незадачливые пешеходы.

Я заранее выдула заготовку из стекла – теперь надо было расписать её. Ощущая радостное нетерпение, как и всегда перед работой, обмакнула кисть в синюю краску.

Внезапно у двери зазвонил колокольчик.

– Мейв, ты вернулась? Вот растяпа, муфточку свою забыла. Она в углу лежит… – проговорила, не отрывая взгляда от заготовки в руках.

– Нет, это не Мейв…

Я встрепенулась – неужели ко мне заглянули потенциальные клиенты?

Знаю-знаю, избушка с деревянной табличкой «Ёлочные игрушки Вейли» без единой дополнительной рекламы – ни гирлянды, ни огромного изображения игрушки или мигающих букв – вряд ли кого-то могла привлечь. И всё-таки во мне вспыхнула надежда.

– Это не Мейв, замороженная. Это всего лишь мы…

Я узнала этот голос, и надежда сменилась страхом.

Обладательницей сочного контральто была Скорпита Лэнг. Точнее, маркиза Скорпита Лэнг – моя бывшая сокурсница по Королевской академии. Её отец, уважаемый в столице человек, был вхож в городской муниципалитет и управлял несколькими предприятиями.

Сопровождали Скорпиту её вечные товарищи, одетые в мягкие плащи с капюшонами, – Хмур Гунульф и Лизетта Сердолик. Баронет Гунульф и виконтесса Сердолик.

– Замороженная, сколько лет, сколько зим! – широко ухмыльнулась Скорпита.

Все трое прошлись по моей лавочке, с преувеличенным вниманием разглядывая нехитрое убранство. По стенам – шкафчики из тёмного дерева со стеклянными шарами, расписанными мною вручную, деревянными фигурками оленей, снеговиков и солдатиков, мягкими игрушками в виде зайчат и снежинок.

Каждая игрушка излучает тёплый мягкий свет – я их расписывала так, как учил меня папа.

На потолке, на столе и вдоль стен – гирлянды из еловых ветвей и шишек, перевязанные алыми и серебристыми ленточками, наполняющие воздух ароматом хвои. Я сама ходила в лес за ёлками – страху, конечно, натерпелась, зато так здорово украсила своё небольшое гнёздышко.

Мне хотелось сделать лавку уютной, наполненной предвкушением белогоднего волшебства. Конечно, я не могла повторить всю ту роскошь, какая была у папы на Центральном проспекте, но своими малыми силами сделала все, что могла.

В углу, за прилавком, под бумажными флажками установила столик с горелкой. На полках аккуратного стеллажа хранились краски, блёстки, запас жидкого стекла и трубочек – моя крохотная мастерская была оборудована всем необходимым, чтоб я могла создавать шедевры.

Когда ходила в лес за ветками, утопая в сугробах почти по пояс, даже небольшую елочку выкопала, в лавку приволокла, установила в нарядное ведёрко, украсила. Потом, после праздника, отнесу деревце в лес и опять посажу.

Папа научил меня, как сохранять зелёные древа живыми. Он говорил, что те, кто заботится о ёлках, не выкидывает их после праздника, – лучшие люди на свете.

И вот сейчас посреди моего маленького небогатого, но уютного белогоднего мирка стояли три фигуры в чёрных плащах с острыми, как у тёмных магов, капюшонами. Они продолжали учиться в академии – под тёплыми накидками виднелась академическая красная форма и галстуки в зелёную полоску.

На мгновение стало очень грустно, что я перестала быть частью академии, не могла беззаботно носить красивую форму и должна была думать о куске хлеба, а не о сдаче очередного экзамена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.